

УДК 349.3

DOI: 10.17072/2619-0648-2025-3-143-152

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ

М. Ю. Федорова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры трудового права

Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева
620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: fmulawkc@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается функциональность социальных выплат как элемент их правовой природы, которая анализируется на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных применительно к разным видам социальных представлений: пенсиям, ежемесячным денежным компенсациям в возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащих, и др. Делается вывод о том, что правовая природа социальных выплат – это их комплексная характеристика, объединяющая различные параметры, которые отражают их сущность и место в системе социального обеспечения. Функциональность социальных выплат отражает их правовую природу в динамике, в структуре механизма правового регулирования, где они выступают в качестве объектов социально-обеспечительных правоотношений. Функциональность социальных выплат предлагается понимать как свойство, объединяющее целевую направленность таких выплат и правовые средства, обеспечивающие ее реализацию. Оценка функциональности социальных выплат может рассматриваться как одна из форм оценки эффективности правового регулирования социального обеспечения и способствовать оптимизации системы видов социального обеспечения.

Ключевые слова: функциональность; правовая природа; социальные выплаты; право социального обеспечения; Конституционный Суд Российской Федерации

© Федорова М. Ю., 2025

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Functionality as an Element of the Legal Nature of Social Benefits

M. Yu. Fedorova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, 620066, Russia

E-mail: fmulawkc@mail.ru

Abstract: the article examines the functionality of social benefits as an element of their legal nature, which is analyzed on the basis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in relation to various types of social benefits (pensions, monthly monetary compensation for damage caused to the life and health of military personnel, etc.). It is concluded that the legal nature of social benefits is their complex characteristic, combining various parameters that reflect their essence and place in the social security system. The functionality of social benefits reflects their legal nature in dynamics, in the structure of the mechanism of legal regulation, where they act as objects of social security legal relations. The functionality of social benefits is proposed to be understood as a property that combines the target orientation of such payments and the legal means to ensure its implementation. Assessment of the functionality of social benefits can be considered as one of the forms of assessment of the effectiveness of legal regulation of social security and contribute to the optimization of the system of types of social security.

Keywords: functionality; legal nature; social benefits; social security law; Constitutional Court of the Russian Federation

Современная система социального обеспечения в Российской Федерации развивается в направлении расширения объема защиты от различных социальных рисков и при этом с соблюдением принципа преемственности. С одной стороны, это исключает возможность произвольного изменения ее контуров и параметров, а с другой – гарантирует осуществление ранее приобретенных гражданами прав в случаях, когда соответствующие преобразования были обоснованы с социально-экономической точки зрения и облечены в надлежащую правовую форму. В этих условиях в системе социального обеспечения сохраняются традиционные виды социальных выплат (прежде всего пенсии и пособия по обязательному социальному страхованию), а также появляются новые виды социальных предоставлений, в том числе характеризующиеся значительной спецификой в сравнении с классическими моделями (таковы, к примеру, накопительная пенсия и выплаты, опосредующие различные формы реализации права на нее; материнский капитал; единовременные выплаты для отдельных категорий граждан на приобретение жилых помещений).

Многообразие видов социальных выплат, их соотношение друг с другом и место в едином ряду социальных предоставлений необходимо учитывать при обсуждении

не только возможных перспектив, но и полученных результатов реформирования системы социального обеспечения, а также сопряженного с этим совершенствования социального законодательства. В связи с этим одной из задач науки права социального обеспечения видится разработка общего подхода к характеристике социальных выплат.

Основу для такого исследования могла бы составить практика конституционного судопроизводства, в рамках которой в этих целях выявляется правовая природа соответствующих видов социального обеспечения. Во многих своих решениях, как постановлениях, так и определениях, Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) сформулировал правовые позиции о правовой природе тех или иных социальных выплат. Как показывает текстуальный анализ принятых актов, Конституционный Суд определял ее преимущественно через целевое предназначение – основной признак, критерий, позволяющий ограничивать одну социальную выплату от другой. Зачастую термины «правовая природа» и «предназначение» в тексте таких решений следуют один за другим и воспринимаются как смежные, однопорядковые. Например, применительно к пенсиям, предоставляемым в системе обязательного пенсионного страхования (до 1 января 2015 года – трудовым, а после этой даты – страховым, дополняемым фиксированными выплатами), было указано, что они по своей правовой природе и предназначению направлены в первую очередь на восполнение утраты заработка (дохода), обусловленной объективной невозможностью продолжения трудовой деятельности (определения от 15 февраля 2005 г. № 17-О и от 24 июня 2021 г. № 1139-О).

В большинстве случаев для характеристики правовой природы отдельных социальных выплат приводится более детальная аргументация с точки зрения их соотношения с другими видами выплат, места в системе социального обеспечения, принадлежности к тем или иным его организационно-правовым формам. В этом плане весьма показательна характеристика ежемесячной денежной выплаты, введенной с 1 января 2005 года в результате реформы системы социальных льгот. Она была определена как мера социальной поддержки, по своей природе предназначенная для восполнения потерь граждан с особым правовым статусом, ранее являвшихся получателями натуральных льгот, путем обеспечения им реальной возможности располагать определенными социальными благами в объеме, сопоставимом с объемом социальной защиты, которая предоставлялась им в натуральной форме (определения Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2005 г. № 502-О, от 4 июня 2007 г. № 521-О-О, Постановление от 23 декабря 2021 г. № 54-П и др.). Тем самым, с одной стороны, были учтены причины установления данной выплаты как вида социального обеспечения, соотносимого с отмененными социальными льготами. С другой стороны, обозначен компенсаторный характер ежемесячной денежной выплаты как фактор, отражающий сущность притязаний граждан, оказавшихся в соответствующей правовой ситуации и рассчитывающих на то, что данная выплата позволит им реализовать те социально значимые потребности, которые ранее обеспечивались посредством предоставления им льгот (в частности, по санаторно-курортному лечению, медицинскому и транспортному обслуживанию и т.п.).

Особое значение в исследуемом контексте приобретают правовые позиции Конституционного Суда РФ в отношении тех социальных выплат, которые появились

в системе социального обеспечения в порядке исполнения его решений. Прежде всего речь идет о ежемесячной компенсации, направленной на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащего, необходимость установления которой – исходя из конституционных принципов равенства и социальной справедливости – была непосредственно зафиксирована в резолютивной части Постановления от 20 октября 2010 г. № 18-П в качестве поручения федеральному законодателю. Впоследствии КС РФ неоднократно возвращался к анализу данной выплаты, рассматривая отдельные аспекты проблемы возмещения вреда, причиненного военнослужащим в связи с исполнением ими обязанностей военной службы, такие как условия предоставления ежемесячной компенсации, порядок ее индексации и т.д. Например, в Постановлении от 19 мая 2014 г. № 15-П применительно к ежемесячной денежной компенсации, гарантированной частью 13 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» инвалидам вследствие военной травмы, было указано, что по своей правовой природе она предназначена для возмещения материальных и социальных потерь, возникающих в связи с инвалидностью вследствие военной травмы, не связана напрямую с другими выплатами, в том числе пенсионными, и мерами социальной поддержки военнослужащих и направлена исключительно на социальную защиту инвалидов в зависимости от степени утраты трудоспособности.

Кроме того, была проведена аналогия данной выплаты с ежемесячной денежной компенсацией в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Следовательно, Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, которая в науке права социального обеспечения может трактоваться с точки зрения обоснования института возмещения вреда, причиненного отдельным категориям граждан при исполнении публично значимых функций. Поскольку такой институт, наряду с нормами, регулирующими частноправовые способы возмещения вреда (например, страховые выплаты по обязательному государственному страхованию, выплаты в порядке исполнения деликтных обязательств), охватывает также нормы права социального обеспечения, устанавливающие публично-правовые меры по компенсации такого вреда, он может оцениваться как межотраслевой.

Возможность такого подхода вытекает, в частности, из Постановления Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2025 г. № 5-П, в котором применительно к проблеме индексации ежемесячной выплаты в возмещение вреда, до вступления в силу вышеназванного федерального закона установленной на основании положений главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, затрагивался вопрос о соотношении правовой природы гражданско-правовых и социально-обеспечительных выплат, входящих в единый правовой механизм возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащих.

Характеризуя правовую природу отдельных социальных выплат с точки зрения того, в рамках какой организационно-правовой формы они предоставляются, КС РФ

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г.

неоднократно выявлял и подчеркивал специфику формирования прав граждан на такие выплаты, гарантированные в системе обязательного социального страхования. При этом делался акцент на целях такого страхования (в первую очередь – обязательного пенсионного, как отличающегося наиболее значительной спецификой), а также социально-правовой природе и предназначении страховых взносов (постановления от 10 июля 2007 г. № 9-П, от 9 апреля 2021 г. № 12-П и др.), что, в свою очередь, предопределяет и правовую природу социально-страховых выплат (она может лишь имплицитно присутствовать в тексте решений Конституционного Суда), право на которые формируется посредством уплаты страховых взносов, одновременно с этим обозначая перспективу научных исследований организационно-правовых форм социального обеспечения с опорой на современный правовой материал.

При определении правовой природы социальной выплаты принимается во внимание также и то, предусмотрена ли она непосредственно Конституцией Российской Федерации² (как, например, пенсии) либо носит отраслевой характер, даже будучи основана на конституционном принципе социального государства, принявшего на себя обязанность обеспечить социальную защиту различных категорий населения, включая инвалидов, пожилых граждан и семьи с детьми. В качестве примера можно привести материнский (семейный) капитал, устанавливаемый органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Применительно к данной выплате, которая была установлена, а затем отменена в Ставропольском крае, КС РФ в Постановлении от 27 марта 2018 г. № 13-П указал, что по своей правовой природе она является дополнительной мерой социальной поддержки многодетных семей, введенной субъектом Российской Федерации. Возникновение права на материнский (семейный) капитал не обусловливалось уровнем дохода семьи, ее нуждаемостью в социальной помощи и поддержке, то есть данная выплата имела как социальное, так и стимулирующее назначение и, соответственно, носила комплексный характер. Право на нее непосредственно из Конституции РФ не вытекает, а ее установление, будучи направлено на создание благоприятных условий для воспитания детей в многодетных семьях с учетом задач социально-экономической политики государства, включая улучшение демографической ситуации, зависит от финансовых возможностей конкретного субъекта РФ. Следовательно, при оценке правовой природы так называемого регионального материнского капитала принимались во внимание среди прочего и условия ее предоставления (в том числе в соотнесении с критериями социального риска, вызванного рождением и воспитанием в семье трех и более детей).

Как показывают приведенные примеры из решений Конституционного Суда РФ, правовая природа социальных выплат не ограничивается их предназначением, которое скорее следует рассматривать в качестве одной из ее характеристик, наряду с отнесением таких выплат к тем или иным организационно-правовым формам социального обеспечения и предопределенными этим условиями предоставления, по рядком исчисления размера и другими параметрами. Таким образом, правовая природа социальных выплат предстает как их комплексная характеристика, охватывающая различные параметры, позволяющие определить их сущность и место

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.

в системе социального обеспечения, которая объективно не может существовать вне правовой формы, то есть не будучи установлена законодательно, с определением базовых юридических правил ее функционирования.

В отличие от целого ряда юридических категорий, понятие «правовая природа», несмотря на широкое его использование в юридической науке и практике, остается недостаточно разработанным как в общей теории права, так и в отраслевых науках. С одной стороны, это несколько усложняет его отраслевую трактовку, но с другой – оставляет исследовательский простор для отражения его возможных отраслевых особенностей. При этом следует учитывать, что в науке до настоящего времени не достигнуто единство по вопросу о содержании данного понятия, а высказанные подходы к обозначенному феномену отличаются значительным многообразием. Они были систематизированы Е. Г. Комиссаровой, которая, полемизируя с другими учеными (включая С. С. Алексеева), отождествляющими правовую природу с юридическими характеристиками того или иного явления (его структурой, местом и ролью в ряду других правовых явлений), пришла к выводу о продуктивности дальнейшего научного поиска по нескольким направлениям, в частности «через познание функций»³.

Поскольку речь идет именно о правовых явлениях, то определение их правовой природы в качестве элемента правовой системы в обозначенном контексте, очевидно, должно учитывать функциональную характеристику права. Функциональность, наряду с такими признаками, как целостность, сложность, неоднородность, взаимосвязанность элементов и иерархичность строения, характерна для любой системы. Отдельные элементы и подсистемы, как правило, выполняют функции и решают задачи, обусловленные их местом в системе и значимые для нее. При этом функционирование и состояние отдельных частей системы зависит от состояния других частей и всей системы в целом, которая в известной мере детерминирована состоянием и функционированием ее отдельных частей⁴.

Не является исключением и правовая система, право как система. По мнению А. С. Палазяна, функциональная характеристика позволяет выразить право «с точки зрения механизмов образования и содержательного насыщения его элементов, обслуживания общественных отношений и самовоспроизведения», а также «выяснить, каким образом право проявляется в действительности общественных отношений, как участвует в них, к чему и какими средствами оно приводит в реальности, а не в программах, идеалах, благих пожеланиях, нормативных конструкциях и т.д.»⁵. Следовательно, функциональная характеристика присуща праву как системе и отражает его в динамике всех его подсистем, элементов, форм и т.д.

Поскольку функциональность права как системы характеризует его в динамике и взаимодействии всех элементов, постольку и отдельные составляющие право-

³ Комиссарова Е. Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2 (16). С. 26–27.

⁴ Низамиеva O. N. Система договоров семейно-правовой сферы // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 10–13; № 6. С. 19–22; Завгородняя А. А. Подходы к пониманию единства права и его динамики // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 9. С. 23–34.

⁵ Палазян А. С. Функциональность в системе характеристик права // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 73.

вой системы обладают функциональностью, которая производна от функциональности права, следует ее модели и при этом имеет свои особенности. Прежде всего, очевидно, следует говорить о функциональности отраслей права, выступающих наиболее крупными элементами (точнее, подсистемами) системы права и обладающих спецификой в таких признаках, как предмет и метод правового регулирования, источники, принципы и др. Например, применительно к предпринимательскому праву ряд ученых определили его функциональность исходя из того, что оно имеет отношение практически ко всем предметным подразделениям права – личному, вещному, обязательственному и наследственному, а его специфика основана на характеристике субъекта (предпринимателя) и цели его деятельности (систематическое извлечение прибыли). Подтверждением данного вывода служит и то, что нормы, регулирующие предпринимательские отношения, содержатся не только в разных разделах и главах Гражданского кодекса РФ, но и во многих других законодательных актах⁶. В приведенной характеристике получили отражение такие параметры функциональности названной отрасли, которые касаются ее предмета и источников.

Продуктивным видится также понимание функциональности отраслевых правовых явлений через функции отрасли. В одних отраслевых юридических науках, в частности в науке трудового права, специальные исследования по этой теме уже были предприняты⁷, в других она пока не стала предметом отдельного изучения. К числу последних относится и наука права социального обеспечения, в рамках которой еще предстоит найти ответ на вопрос о функциях указанной отрасли, хотя и сегодня к этой проблеме привлечено внимание ученых, высказывающих различные точки зрения. Так, М. В. Лушникова полагает, что из социального назначения отрасли вытекают две функции права социального обеспечения: защитно-компенсационная и социально-адаптационная (реабилитационная, интеграционная)⁸. А. Л. Благодир выявляет отраслевые особенности регулятивной (статической и динамической), а также охранительной (в правовосстановительном и правоустанавливающем ее проявлении) функций права социального обеспечения и показывает их влияние на структуру отрасли⁹.

Таким образом, применительно к праву социального обеспечения анализируются как общесоциальные, так и специально-юридические его функции. При этом важно учитывать, что социальное обеспечение, являющее собой совокупность общественных отношений, составляющих предмет указанной отрасли, само по себе имеет характер системы и как таковое реализует ряд важных социальных функций. Тем не менее, как справедливо подчеркивает И. Р. Маматказин, разделение в праве соци-

⁶ Предпринимательское право: учеб.: в 2 т. / [А. Ю. Бушев, О. А. Городов, Д. А. Жмулина и др.]; под ред. В. Ф. Попондупуло. 6-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Проспект, 2023.

⁷ См.: Иванчина Ю. В. Функции трудового права как отражение социально значимых потребностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019; Зорина О. О. Социальная функция трудового права на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

⁸ Лушникова М. В. Функции права социального обеспечения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3 (20). С. 96.

⁹ Благодир А. Л. Собственно юридические функции и их воздействие на структуру отрасли права социального обеспечения // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избр. материалы. М.: Статут, 2016. С. 59–65.

ального обеспечения функций права и функций социального обеспечения весьма условно и возможно только с позиций научной абстракции по той причине, что социальное обеспечение может существовать исключительно в правовой форме¹⁰. Заслуживает поддержки и другой сформулированный им тезис, отражающий специфику применения структурно-функционального анализа к отраслевому материалу права социального обеспечения: такой анализ должен развертываться не от общего к частному, а, наоборот, от частного к общему. Поскольку реализация норм права социального обеспечения есть не что иное, как предоставление вида социального обеспечения – пенсии, пособия или иной социальной выплаты, основное значение имеет определение функции и сущности конкретного вида социального обеспечения – не пенсии в целом, а именно пенсии по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца и др. Выявление общих свойств разных социальных предоставлений должно способствовать определению функций, присущих тем или иным группам видов социального обеспечения (например, пенсиям, пособиям, компенсационным выплатам и т.п.), а следующим шагом может стать функциональная характеристика социального обеспечения¹¹.

Свои теоретические выводы И. Р. Маматказин успешно применяет в процессе анализа правовой природы разных видов социального обеспечения, в частности пенсий, предоставляемых как в системе государственного и негосударственного пенсионного обеспечения, так и в порядке обязательного пенсионного страхования. При этом учитывается порядок формирования пенсионных прав, реализация которых возможна путем установления того или иного вида пенсий; способ правовой регламентации возникающих при этом общественных отношений (они могут непосредственно вытекать из закона либо основываться на договоре); целевая направленность пенсий¹².

По существу, такая модель может быть применена в отношении практически любого вида социального обеспечения. Между тем не все перечисленные параметры, отражающие правовую природу социальной выплаты, характеризуют ее юридическую функциональность. Если функциональность как таковая может быть определена как свойство того или иного объекта, отвечающее на вопрос о том, что делает данный объект, то функциональность социальных выплат в качестве явления правовой действительности предполагает прежде всего их характеристику как объектов соответствующих правоотношений и именно в таком качестве вовлеченных в механизм правового регулирования социального обеспечения. Иными словами, юридическая функциональность отвечает на вопрос не только о том, что делает данный объект, но и о том, какие правовые инструменты при этом используются.

¹⁰ Маматказин И. Р. К вопросу о формировании функций права социального обеспечения // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 403–411.

¹¹ Он же. Значение структурно-функционального анализа для формирования понятийного аппарата права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 10–15.

¹² Он же. Сравнительный анализ правовой природы и сущности пенсий по обязательному пенсионному страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению // Ex jure. 2022. № 1. С. 128.

Значение объектов социально-обеспечительных правоотношений подчеркивала Р. И. Иванова. С точки зрения способа предоставления гражданам источника средств к существованию она определяла пенсии, пособия, различные виды услуг как формы обеспечения, тогда как «применительно к социальному обеспечению, понимаемому в собирательном смысле, эти денежные выплаты и услуги выступают его видами и в этом своем значении являются объектами соответствующих правовых отношений»¹³. Причем именно объект названных правовых связей, как верно отмечала Р. И. Иванова, предопределяет их содержание, то есть субъективные права и обязанности сторон, поскольку вне правовых отношений не могут быть удовлетворены потребности гражданина ни в одном из видов социального обеспечения.

Следовательно, удовлетворение потребности в том или ином виде социального обеспечения, возникающей при наступлении определенного социального риска (болезнь, инвалидность, старость, потеря кормильца, безработица и т.п.), является целью механизма правового регулирования социального обеспечения в его соответствующей части. Сообразно этой цели определяется целевая направленность социальной выплаты, которая устанавливается законом для компенсации последствий социального риска (пенсия по старости, по инвалидности или по случаю потери кормильца; пособие по временной нетрудоспособности или по безработице и т.д.). Основные правовые средства достижения названной цели – это правовые нормы и принципы. Правовые нормы как средства, направленные на реализацию целей социального обеспечения, должны установить перечень видов социального обеспечения, основания и условия, период и порядок их предоставления, определения размера. Среди принципов, вовлеченных в механизм правового регулирования социального обеспечения, можно назвать общеправовые принципы равенства и справедливости, конституционные принципы социального государства и федерализма, отраслевые принципы всеобщности социального обеспечения и дифференциации его условий и т.д. В единстве и взаимодействии друг с другом перечисленные правовые средства должны способствовать достижению целей социального обеспечения, то есть удовлетворению потребностей граждан в компенсации социального риска. Это предполагает в том числе оценку эффективности правового регулирования социального обеспечения применительно к конкретному виду социальных выплат – функциональны ли они, позволяют ли применяемые для их осуществления правовые средства достигнуть цели защиты от последствий социального риска и надлежащим образом урегулировать права и обязанности сторон социально-обеспечительных правоотношений.

Таким образом, при широком подходе, основанном на постулатах инструментальной юриспруденции, функциональность социальных выплат отражает их правовую природу в динамике, в структуре механизма правового регулирования. Функциональность социальных выплат можно понимать как свойство, которое объединяет целевую направленность таких выплат и правовые средства, обеспечивающие ее реализацию. Оценка функциональности социальных выплат может рассматриваться как одна из форм оценки эффективности правового регулирования социального обеспечения, а также может быть использована в целях оптимизации структуры системы социального обеспечения в части его видов.

¹³ Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 127.

Библиографический список

Благодир А. Л. Собственно юридические функции и их воздействие на структуру отрасли права социального обеспечения // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 59–65.

Завгородняя А. А. Подходы к пониманию единства права и его динамики // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 9. С. 23–34. DOI: 10.12737/jrl.2022.092.

Зорина О. О. Социальная функция трудового права на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

Иванова Р. И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1986.

Иванчина Ю. В. Функции трудового права как отражение социально значимых потребностей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

Комиссарова Е. Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 2 (16). С. 22–29.

Лушникова М. В. Функции права социального обеспечения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 3 (20). С. 95–99.

Маматказин И. Р. К вопросу о формировании функций права социального обеспечения // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 403–411.

Маматказин И. Р. Сравнительный анализ правовой природы и сущности пенсий по обязательному пенсионному страхованию и негосударственному пенсионному обеспечению // Ex jure. 2022. № 1. С. 116–130. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-1-116-130.

Маматказин И. Р. Значение структурно-функционального анализа для формирования понятийного аппарата права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 10–15. DOI: 10.18572/2070-2167-2024-1-10-15.

Низамиева О. Н. Система договоров семейно-правовой сферы // Семейное и жилищное право. 2024. № 5. С. 10–13; № 6. С. 19–22. DOI: 10.18572/1999-477X-2024-5-10-13, 10.18572/1999-477X-2024-6-19-22.

Палазян А. С. Функциональность в системе характеристик права // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 71–73.

Предпринимательское право: учеб.: в 2 т. Т. 1 / [А. Ю. Бушев, О. А. Городов, Д. А. Жмулина и др.]; под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Прoспект, 2023.

Информация для цитирования

Федорова М. Ю. Функциональность как элемент правовой природы с социальных выплат // Ex jure. 2025. № 3. С. 143–152. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-3-143-152

Fedorova M. Yu. Functionality as an Element of the Legal Nature of Social Benefits. Ex jure. 2025. № 3. Pp. 143–152. DOI: 10.17072/2619-0648-2025-3-143-152